

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC 291.2

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-344-359

К вопросу о религиозных верованиях старых баргутов

Соелма Ринчиновна Батомункуева¹, Саяна Батуюевна Бухоголова²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат философских наук, младший научный сотрудник

 0000-0002-5060-0296. E-mail: soelmul@mail.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

научный сотрудник

 0000-0001-8121-8906. E-mail: sayana050379@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Батомункуева С. Р., Бухоголова С. Б., 2022

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию некоторых аспектов шаманизма старых баргутов, определяющегося как их исконные и традиционные религиозные воззрения. Старобаргутский шаманизм, несмотря на активное бытование буддизма и сосуществование с ним, сохраняет жизнеспособность, однако в рамках данной статьи эти связи, которые могли бы показать степень их синкретизации, не рассматриваются. *Целью исследования* является попытка выделения элементов, указывающих на связи старобаргутского шаманизма с бурятским и маньчжурским. Для достижения цели были сформулированы следующие задачи: дать краткий обзор и анализ литературы по данной теме; отметить общие черты в баргутском, бурятском и маньчжурском шаманизме. *Основными методами исследования* являются историко-генетический и сравнительный при следовании принципу историзма. *Результаты.* Имеющиеся разновременные материалы исследований разных авторов, в основном полевых, позволяют представить структуру и иерархию пантеона шаманизма старых баргутов, выделить ключевые религиозные культы, формирующие их целостную религиозную картину. В то же время литература по старобаргутскому шаманизму констатирует генетическое родство с бурятским, без учета представлений, относящихся к более архаичному пласту, и наибольшее влияние китайской культуры, тогда как старые баргуты оказались именно в маньчжурской среде. Предполагается, что религиозные представления старых баргутов, которые начали формироваться в условиях средневекового господства тэнгрианства с центральной идеей почитания Вечного Синего Неба, в основе своей также содержат тэнгрианские взгляды. Делается *вывод* о том, что старобаргутский шаманизм представляет собой гибкую систему религиозных взглядов, подверженных трансформациям, которые могут говорить как о его развитии, так и деструктивных процессах в нем.

Ключевые слова: баргуты, старые баргуты, религиозные культы, шаманизм, тэнгрианство, маньчжурский шаманизм, бурятский шаманизм

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII – нач. XXI вв. в контексте межкультурного взаимодействия, № 121031000302-9».

Для цитирования: Батомункеева С. Р., Бухоголова С. Б. К вопросу о религиозных верованиях старых баргутов // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 344–359. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-344-359

Religious Beliefs of the Old Barga (Barghuts) Revisited

Soelma R. Batomunkueva¹, Sayana B. Bukhоголова²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philosophy), Junior Research Associate

 0000-0002-5060-0296. E-mail: soelmul@mail.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Research Associate

 0000-0001-8121-8906. E-mail: sayana050379@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Batomunkueva S. R., Bukhоголова S. B., 2022

Abstract. *Introduction.* The paper discusses some religious beliefs — identified as original and authentic ones — based on shamanic traditions among the Old Barga (Barghuts). Despite the active presence of Buddhism and coexistence with the latter, the Old Barga shamanism remains viable enough. *Goals.* The study attempts to delineate elements that would indicate connections and interactions between the shamanic tradition of Old Barghuts and those of Buryats and Manchus. To facilitate this, the work pursues a number of objectives, namely: a brief review and analysis of published studies covering the topic; identification of common features inherent to Barghut, Buryat and Manchu shamanisms. *Materials and methods.* The main research methods employed are the historical/genetic one and that of comparative analysis (with due regard of historicism principles). *Results.* The available works and materials of different authors, mainly field studies, make it possible to reconstruct the structure and hierarchy of the Old Barga shamanic pantheon, highlight key religious cults that form their unified religious beliefs and preferences. At the same time, publications to have examined the Old Barga shamanism state a genetic relationship with the Buryat tradition — without any essential insights into ideas to be associated with a more archaic layer, and the strong influence of Chinese culture, despite the fact Old Barghuts had been rather placed in Manchu environments. The paper assumes the religious ideas of Old Barghuts which had begun to take shape during the medieval domination of Tengrism (with its central idea of worshipping and deification of the Eternal Blue Sky) also contain and essentially rest on Tengrian views and ideas. *Conclusions.* So, the Old Barga shamanism is a flexible and changeable system of religious views. However, the transformations experienced nowadays may attest to both its evolution and certain destructive processes.

Keywords: Barghuts, Old Barghuts, religious cults, shamanism, Tengrism, Manchu shamanism, Buryat shamanism

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000302-9 ‘Oriental Language Written Monuments of Russia and Inner Asia’s Peoples and Archival Documents, 18th to Early 21st Centuries: A Perspective from Civilizational Interaction’.

For citation: Batomunkueva S. R., Bukhогоlova S. B. Religious Beliefs of the Old Barga (Barghuts) Revisited. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(2): 344–359. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-344-359

О старых баргутах и их происхождении

Баргуты — обобщенное название двух этнических групп: старых и новых баргутов, которые в настоящее время проживают в Хулун-Буирском районе Автономного района Внутренняя Монголия Китая. Старые баргуты, численность которых приравнивается к десяти тысячам [Баргуты 2021: 3], проживают в старобаргутском хошуне, что находится в восточной части Хулун-Буира. В западной части Хулунбуирья в новобаргутском Восточном и Западном хошунах проживают новые баргуты численностью около двадцати тысяч человек [Баргуты 2021: 3].

Проблема этногенеза баргутов в научном мире решается не односторонне, и существуют две основные гипотезы происхождения баргутов. Если представить обобщенно, то, согласно одной из них, баргуты являются потомками тюркских народов [Окладников 1976; Малявкин 1989; Зориктуев 2019; и др.], согласно другой — некогда это был единый этнос, относящийся к монгольским народам, в силу определенных исторических реалий вынужденный покинуть свои исконные места проживания и в результате перекочевки разделившийся на две группы — старых и новых [Румянцев 1962; Нимаев 2000; Коновалов, Миягашева 2012; Tubšinnima 1985; и др.]. Подробное изложение положений обеих гипотез представлено в монографии «Баргуты Китая» [Баргуты 2021: 13–34].

Основу этногенеза с точки зрения обеих гипотез составило племенное образование, известное в средневековом тюрко-монгольском мире как байырку=баерку (байерку) =баегу (байегу)¹ [Коновалов, Миягашева 2012: 174–175]. Вопросы, связанные с историей байырку, подробно рассмотрены в работах российских, китайских и монгольских исследователей, мнения которых порой не совпадают. Большинство исследователей признается, что начальные этапы этногенеза баргутов относятся к периоду не ранее VI–VII вв. В это время в китайских источниках «Суй шу», «Тан шу», «Тан хуй яо» появляются первые сведения об этнической общности байегу, которую многие исследователи считают прямыми предками баргутов [Кюнпер 1961: 35; Tubšinnima 1985: 2; Олзий 1999: 1].

В «Тан шу» сообщается: «Байегу рассеянно кочевали по северную сторону Великой песчаной степи, занимая около тысячи ли пространства; от Пугу прямо на восток, в смежности от мохэ. Байегу имели до 60 000 кибиток, войска — 10 000 чел. Есть речка, называемая Кангань» [Бичурин 1950: 343–344].

Китайские исследователи склонны считать, что первоначальная родина байегу находилась к западу от Хулуна. Отсюда они мигрировали на восточную

¹ Разночтения в написании этнонимов, топонимов, имен божеств и т. д. связаны с сохранением его написания в источнике.

сторону Байкала, в Баргуджин-Токум, где предположительно в IX в. стали называться баргутами [Tubšinnima 1985: 2–4]. Аналогично высказывается и Ж. Олзий [Олзий 1999: 4–5].

Другая версия о времени переселения байегу к Байкалу приводится монгольскими учеными А. Очиром и Ж. Гэрэлбадрахом. Они утверждают, что эта общность уже в VI–VIII вв. находилась у Байкала, отражая удары со стороны тюрков [Очир, Гэрэлбадрах 2003: 354–355].

А. Г. Малявкин придерживался мнения, что байегу жили в Восточном Забайкалье. Он говорит о том, что в «Тай-пин хуанюй-цзи» и «Тун дян» местобитание байегу указано следующим образом: «... находятся к югу от Ханьхая, на р. Баегу, к востоку от гор Юли...» [Малявкин 1989: 139]. По его мнению, в данном тексте под названием Ханьхай подразумевается Байкал, а горы Юли — это современный Яблоновый хребет. В таком случае название р. Байегу, по берегам которой обитало одноименное племя, было наименованием одной из трех протекающих восточнее этого хребта рек: либо Ингоды, Онона или Чикоя. Он отмечает некоторые расхождения в текстах, относящиеся к численности их населения, укладу жизни и т. д. [Малявкин 1989: 139–141].

Д. Д. Нимаев, рассматривая гипотезу А. Г. Малявкина, справедливо заметил, что большинство исследователей под названием Ханьхай понимают пустыню Гоби. Поэтому, по его мнению, гораздо логичнее было бы отождествление р. Байегу с р. Баргузин. В то же время, заметил он, границы владений байегу не оставались неизменными на протяжении их истории [Нимаев 2000: 72–73].

По мнению Ю. С. Худякова, ссылающегося на китайские источники, байегу с западной стороны имели границы с тюрками, с восточной — с шивэй (татарами). Опираясь на археологические данные, он предполагает, что во владения байегу на западе входило озеро Хубсугул и верховье реки Селенги, на востоке — Хэнтэй и верховья Шилки и Аргуни с прилегающими участками территории современной Монголии [Худяков 1989: 29].

Б. Р. Зориктуев отмечает, что байырку было одним из наиболее многочисленных и сильных телеских племен, окончательное формирование которых происходило на севере Забайкалья, в Баргузинской котловине. Здесь их самоназвание *байырку* приняло монголизированную форму *барга*, а с добавлением аффикса множественности -*уд* они стали *баргууд* [Зориктуев 2016б: 59–60], с русифицированным произношением *баргут*. По мнению ученого, отдаленными предками старых баргутов являлись именно представители древней тюрко-телеской общности — байырку, а более близкими — племя баргут [Зориктуев 2019: 21].

Несмотря на разногласия относительно этногенеза баргутов, большинством исследователей их родиной признается регион, в древности называвшийся Баргуджин-токумом, территория которого, однако, определяется исследователями по-разному. В целом же можно сказать, что это обширные околбайкальские земли, в частности — Баргузинская долина в Бурятии, названная по одноименной реке. При этом необходимо отметить мнение Б. З. Нанзатова о том, что средневековая область, названная Баргуджин-токум, получила свое название не от гидронима, а именно от этнонима *баргу*, в этногонических легендах бурят

персонифицированный как *Баргудай*. Согласно легендам и преданиям, Баргудай является предком Элюдая, Бураяда и Хоридоя, которые считаются прародителями олёт (ойратов), бурят (булагатов и эхиритов) и хоринцев соответственно. Баргуджин-Токум же представляет собой пространство, вовсе не ограниченное пределами долины р. Баргузин [Нанзатов 2016: 72].

До того как современные баргуты, как старые, так и новые, оказались в Хулунбуире, они прошли разные пути передвижения и переселения. Первую волну пришельцев в Хулун-Буир составили старые баргуты, которые расселились там в 1732 г., а новые баргуты — группа баргутов, обосновавшихся там в 1734 г. [Зориктуев 2016а: 20]. Деление на старых и новых, вернее, причины этого деления, являются предметом еще одного спора, вытекающего из предыдущего, связанного с этнической историей баргутов.

Б. Р. Зориктуев отмечает, что ошибочное истолкование старых и новых баргутов, точнее слов «старые» и «новые», привело к неправильным умозаключениям об этногенезе этих двух групп баргутов как единому этническому образованию. Несмотря на то, что в определенный исторический отрезок времени они проживали на одной территории, все же они относятся к разным этносам. Так, Б. Р. Зориктуев отмечает, что «термины *старые* и *новые* в названиях *старые баргуты* и *новые баргуты* нельзя рассматривать как ничего не значившие по своей сути слова, полученные от маньчжуров только за то, что один этнос прибыл на место постоянного проживания в Хулун-Буир раньше, а другой — позже. Это были почетные наименования, которыми группы старых и новых баргутов были вознаграждены после вхождения в знаменные войска (старые баргуты — между 1640 и 1670 гг., новые баргуты — между 1655 и 1670 гг.) за определенный вклад в дело укрепления маньчжурского государства и его армии» [Зориктуев 2019: 21, 29]. Иными словами, именно в этих названиях раскрываются ключевые периоды в истории двух баргутских групп — разных этнических групп: баргутов и хоринцев.

По мнению Б. П. Коновалова и С. Б. Миягашевой, баргуты представляют собой обобщенное название двух этнических групп монгольского происхождения, которые получили свои современные названия в результате прибытия в Хулун-Буир в разное время. Так, «первая волна мигрантов-баргутов двинулась к верховьям Амура и, перейдя Аргунь, оказалась во владениях Китая под властью маньчжурской династии Цин. Вторая волна мигрантов несколько позднее появилась в Халха-Монголии, но в результате сложных перипетий ойрато-халхаских войн они ушли еще дальше на восток и оказались там же, где были поселены цинским правительством их сородичи. Последние стали называться там старые баргуты, а новые пришельцы получили наименование новые баргуты» [Коновалов, Миягашева 2012: 181].

Существуют также и непопулярные версии этногенеза баргутов, согласно которым их предками могли быть хунну и тунгусы. Последнее упоминается Б. Ц. Гомбоевым, который приводит в своей работе мнение известного археолога Е. А. Хамзиной, изучавшей древнюю историю Баргузинской долины, о том, что «потомками древних баргутов могли быть представители эвенкийских родов, ранее проживавших в нижнем течении р. Баргузин, в верховьях р. Ина (низовские эвенки). От них баргуты унаследовали основные антропологические

черты: высокий рост, светлую кожу и высокий нос; именно эвенки — автохтоны восточного берега Байкала» [Гомбоев 2020: 97].

Необходимо отметить также и существующее мнение о возможном «смешанном» тюрко-монгольском происхождении баргутов. По мнению Д. Д. Нимаева, баргуты, возможно, представляют собой этническое образование, сложившееся как из тюркских, так и монгольских племен, так как изначально в состав байырку, начиная с древнетюркского времени, входили не только тюркоязычные, но и монгольские группы. Автор отмечает, что широкое распространение этнонима «баргут» в сочетании с другими названиями этнических групп и говорит о том, что под «баргутами» могло подразумеваться все население Баргуджин-токума в целом [Нимаев 1993: 146, 159]. Аналогичное мнение высказывал и Г. Тубшиннима, по мнению которого, баргуты представляют собой этнос, сложенный как из немонголоязычных, так и монголоязычных народов, но основное ядро все же составляют последние [Тубшиннима 2008: 120].

Иной взгляд на проблему происхождения этнонима баргу представлен в работе Б. З. Нанзатова и В. В. Тишина. Авторы отмечают необоснованность, более того невозможность отождествления древних байырку с баргутами. На основе анализа имеющихся версий происхождения этнонима баргу ими приводится «лингвистическая аргументация, демонстрирующая отсутствие каких-либо оснований для отождествления этнонима байырку-байарку и баргу, как разновременных фонетических форм одного слова... никакие законы фонетики, известные, по крайней мере, для языков алтайской семьи, не позволяют обосновать преобразование форм VIII–X вв. ... в известное с XIII в. наименование *baγuγ*» [Нанзатов, Тишин 2020: 168].

О религиозных верованиях баргутов

Так или иначе на сегодняшний день баргуты являются неотъемлемой частью общемонгольского мира, и процесс становления и оформления их в качестве этнических групп, каковыми они представлены в настоящее время, формирования хозяйственных, культурных и иных этнических особенностей происходил в рамках и под влиянием этого мира. Не являются исключением и религиозные представления баргутов. В целом особенностью религиозных воззрений баргутов, как и у большинства народов монгольского мира, является их синкретический характер, обусловленный сосуществованием шаманских и буддийских традиций. Однако следует отметить преобладание шаманизма у старых баргутов и доминирование буддийских традиций у новых баргутов. Последний факт говорит о том, что новые баргуты, в бытность их хоринцами, уже придерживались буддийских традиций в результате влияния монголов.

Б. Д. Цыбенков отмечает, что «по данным баргутских краеведов, широкое распространение буддизма среди родов хори началось после принятия в 1587 г. буддизма халхаским Абатай-ханом, который вместе с подданными чиновниками встретился с Далай-ламой III Содном-Жамсо и принял посвящение. По всей Халхе началось строительство буддийских монастырей (хурээ, хийд)» [Цыбенков 2011: 15].

О том, что новые баргуты в XVII в. под халхаским влиянием отказались от шаманской веры и приняли ламаизм, пишет Г. Тубшиннима. Он также отмечает, что оказавшись на халхаской земле, они испытывали притеснения из-за своих

шаманских воззрений, а переселившиеся в 1730-х в Хулун-Буир новые баргуты были уже буддистами, о чем свидетельствует их прибытие со 157 ламами. Если в начале XVIII в. у новых баргутов насчитывалось 157 лам, то уже к середине того же века их стало вдвое больше, а к концу насчитывалось около 400. Это был период активного развития буддизма, когда приобретались многие ритуальные принадлежности, скульптуры и изображения божеств, а также полное собрание Ганжура [Тубшиннима 2008: 172].

Надо полагать, что во время правления императора Цяньлуна маньчжурский шаманизм занимал прочные позиции, наряду с конфуцианством, буддизмом и даосизмом. При нем также был издан «Устав шаманской службы маньчжуров», который «представляет собой правила и описание шаманских ритуалов, проводимых в Запретном городе императором или чиновниками Палаты дворцового ритуала, а также в семьях императорского рода Айсинь-Гиоро, проживавших в различных районах империи Цин» [Гребенщиков 2011: 121]. Последние строки также могут говорить и о том, что шаманизм был религией представителей высших слоев общества. В то же время он признавался на государственном уровне, и все подданные были вовлечены в шаманские ритуалы. Несмотря на это, не существовало препятствий и для развития буддизма, и именно поэтому новые баргуты — приверженцы буддизма не сталкивались с какими-либо трудностями или запретами, связанными с их вероисповеданием. Также и старые баргуты продолжали свои шаманские традиции, которые, возможно, сохранились именно благодаря приверженности маньчжуров шаманизму. Политика маньчжуров в целом была направлена на всестороннее усиление своего влияния, и поэтому они равно признавали и поддерживали конфуцианство, даосизм, буддизм и шаманизм. Ситуация меняется в сторону дискредитации шаманизма при императоре Цзяцине, который издал указ об упразднении шаманской веры в 1820 г. Для объявления об искоренении шаманской веры к старым баргутам был отправлен лама, но, согласно легенде, свою антишаманскую миссию он не смог выполнить [Буяндэлгэр 2006: 20]. Очевидно, несмотря на последнее предание, именно с этого периода начался процесс упадка шаманизма, так как он уже не признавался на государственном уровне.

Исследователи отмечают скудность информации по религиозным воззрениям старых баргутов и отсутствие широкой источниковой базы по данной теме. Имеющиеся сведения по старобаргутскому шаманизму в основном представлены разновременными публикациями полевых экспедиционных материалов различных авторов, несомненно, обогащающих теоретическую базу по данной теме, на которые мы будем ссылаться далее.

Шаманизм баргутов является своего рода структурообразующим стержнем, вокруг которого оформляется социокультурное пространство. Шаманские воззрения, на основе которых строится как реальное бытие, так и формируется мифологическое и религиозное мировоззрение, становится в какой-то степени регулятором социальных отношений и ролей.

Как уже было отмечено, старобаргутские религиозные воззрения характеризуются преобладанием шаманских традиций, а новые баргуты придерживаются буддийских традиций. Надо полагать, что в новых социокультурных условиях, в которых баргуты оказались после того, как покинули Баргуджин-токум, так

или иначе они вбирали уже существующие традиции, а религиозные представления, которые были присущи им, начали претерпевать изменения. При этом следует заметить, что баргуты относятся к тюрко-монгольскому миру, в котором изначально общими религиозными представлениями являлись тэнгрианские. Объединённые под Вечным Синим Небом как тюрки, так и монголы почитали его как верховное божество. Л. П. Потапов считает, что ослабление тэнгрианства было связано с падением тюркского каганата и раздроблением его на родоплеменные и территориальные группы. В то время прекратились грандиозные общетюркские моления Небу и другие важные культы, отправляемые на государственном уровне. Это в свою очередь привело к тому, что усилилось влияние родовых и племенных шаманов [Потапов 1991: 86]. Несмотря на то, что тэнгрианство в определенный период ослабло, образ Неба как творца-созидателя и регулятора-распорядителя устойчиво вошел в систему религиозных верований.

Подобное развитие религиозных представлений можно наложить и на гипотетические периоды формирования баргутов. Ю. И. Дробышев отмечает, что религиозные воззрения древних монголов не следует отождествлять лишь с шаманизмом: «лидирующим вероучением, по крайней мере среди монгольской элиты, был все-таки не шаманизм, а другой феномен духовной культуры, возникший и развивавшийся в среде тюркских и монгольских народов Центральной Азии, — культ Вечного Синего Неба, получивший название „тэнгрианство“. Тэнгри — это и верховное божество центрально-азиатского пантеона — обожествленное Небо, и место обитания божеств — тэнгриев» [Дробышев 2012: 71–72]. Поэтому, мы предполагаем, что, независимо от того, какие этнические образования лежат в основе баргутов, будь то тюркские или монгольские, в любом случае тэнгрианские идеи являются одним из основных базисных компонентов религиозных взглядов баргутов.

Шаманизм старых баргутов

В старобаргутском шаманизме существует определенная иерархия божеств, связанная с их соотносительностью с той или иной сферой деятельности бытия. Структура пантеона очень сложна и многолика, порой неоднозначна. Мир, населенный соответствующими тэнгриями (небожителями), божествами, духами и прочими существами, делится на три уровня — верхний, средний и нижний. За рамки этих уровней, отождествляясь с верховным богом-творцом и занимая центральное место в пантеоне, выходит Хухэ Мунхэ Тэнгри — Вечное Синее Небо, образ которого представлялся универсальным, совмещающим в себе функции создателя, распорядителя и регулятора всех явлений и процессов в тюрко-монгольском мире.

В летописи О. Амаржаргала «О происхождении и историческом развитии барга-бурят» сообщается, что баргуты с древности являлись шаманистами и поклонялись онгонам, которых угощали белой пищей, чтители очаг, духов огня, почитали Небо и Землю, звёзды, горы и воды [Ванчикова, Миягашева 2017: 179].

О том, что в Баргуджин-токуме, на прародине баргутов, существуют шаманские обычаи, упоминается и в летописях Рашид-ад-дина, где сообщается о том, что там было огромное количество шаманов: «в том владении ... безмерное количество шаманов [кам] ... Эту область называют Баргу, а также Баргуджин-Токум. Там шаманов больше всего» [Рашид-ад-Дин 1952: 157]. Интерес

представляет вариант изначального написания слова, под которым подразумевается разговаривающие с духами — шаман или кам. Если бы слово «кам» было бы в оригинале текста летописи, то это могло бы указывать на то, хотя и необязательно, что в тот период в Баргуджин-токуме были распространены элементы преимущественно тюркского шаманизма, а затем под влиянием тунгусских общностей он претерпел изменения в сторону сибирского шаманизма, к которому относится и бурятский. Исследователи отмечают тесные связи баргутского шаманизма именно с бурятским.

Шаманская картина мира баргутов в целом схожа с пантеоном бурятского шаманизма: дуалистичность, деление на западных и восточных тэнгриев и их количество, структура пантеона, иерархия божеств, соотнесение определенных божеств с теми или иными функциями и т. д.

По определению С. Б. Миягашевой, персонажный код старобаргутского шаманизма можно представить следующим образом: «...наверху стоят небесные боги, ниже — нойоны, которые являются духами умерших героев или знаменитых шаманов, или духи, управляющие отдельными местностями, ведающие ремеслами и разными видами деятельности, и, наконец, онгоны — домашние покровители, которые также являются духами умерших предков» [Миягашева 2012: 111].

Образ неба на сегодняшний день занимает центральное место в шаманских религиозных верованиях старых баргутов. Хухэ Мунхэ Тэнгри считается создателем и упорядочивателем всех явлений и процессов в мире, а находящиеся на следующей — нижней иерархической ступени божества-небожители также являются результатом его созидательной деятельности. При всем этом шаманский пантеон не инвариантен, и отмечается несколько вариантов старобаргутского шаманского пантеона, различие которых обусловлено возможными напластованиями различных религиозных представлений. Три варианта старобаргутского пантеона подробно рассмотрены С. Б. Болхосоевым в коллективной монографии «Баргуты» [Баргуты 2021: 140–147], который отмечает, что один из них идентичен шаманскому сонму небесных божеств бурят хоринского племени [Баргуты 2021: 143]. Можно предположить, что данный вариант пантеона, пусть и не аутентичен, но более близок к существовавшему ранее.

Аналогичная вариативность и многообразность пантеона, которые обусловлены территориальным и родовым делением бурят, отмечаются и в бурятском шаманизме. В то же время общим для всех вариантов является почитание верховного Хухэ Мунхэ Тэнгри, деление на восточных и западных тэнгриев.

Так же, как и в бурятском, в старобаргутском шаманизме отмечаются 99 тэнгриев, из которых 55 относятся к западным, а 44 — к восточным. Наиболее почитаемыми являются западные тэнгрии. При всем этом из числа 55 западных тэнгриев жертвоприношений удостоиваются лишь пять: Хаан Улаан Тэнгри, Сахилгаан Сагаан Тэнгри, Одон Заяаши Тэнгри, Хох Манхан Тэнгри, Заяан Тэнгри, а из восточных 44-х — четыре: Гужир Гунгэр Тэнгри, Боомо Маха Тэнгри, Атаа Улаан Тэнгри, Годли Улаан Тэнгри [Миягашева 2012: 112–113; Баргуты 2021: 142–143].

Небезынтересно отметить, что в бурятском шаманизме существует не только аналогичная практика деления тэнгриев на западных и восточных, но и особое

почитание пяти западных и четырех восточных [Галданова 1995: 94; Базаров 2000: 113, 121]. В целом указанные источники дают одинаковый перечень доминантных божеств, за исключением первого из пяти западных.

Исследователи также отмечают широко распространенный у старых баргутов культ 13 нойонов или Арын арбан гурбан ноёд, который также широко распространен в бурятском шаманизме. Этот список составляют божества — сыновья тэнгриев: Хан Хото нойон, Хан Зулмуту нойон, Хан Бухэ нойон, Хан Боо нойон, Хан Шувуу нойон, Ажирай нойон, Хуа Солбон Догшин нойон, Хажар Сагаан нойон, Агуй Буумал нойон, Ама Сагаан нойон, Хан Заргаша нойон, Эрдэмтэ Сагаан нойон, Буха нойон. Эти божества пребывают на острове Ольхон, обитают на вершинах разных гор, пребывают на реках по обе стороны Байкала [Баргуты 2021; Буяндэлгэр 2006; Миягашева 2012].

Э. М. Цыденов отмечает, что в средние века современная территория расселения бурят представляла собой окраинные земли халхаских ханств и называлась Ара Халха, т. е. Северная Халха, а божеств покровителей этих мест называли Арын арбан гурбан ноёд. Божества в составе этой группы почитались хори-бурятами, в то время как прибайкальские называли этих нойонов хатами и делили их на восточных и западных. Однако в настоящее время установилось почитание 13 северных нойонов по хоринскому образцу [Цыденов 2011: 25].

В то же время отмечаются и «не идентифицированные» божества в старобаргутском шаманизме, которые зафиксированы в рамках первого варианта пантеона. К примеру, в шаманизме старых баргутов встречается божество Санса/Самса [Баргуты 2021: 141]. Со слов баргутской шаманки, считающей его духом-покровителем, дается следующее описание: воплощается в образе белого дракона, благодетельный из светлых, спускающийся на горы при призывании. Также отмечается, что Самса/Санса может представлять собой прототип лошади, замененный более актуальным образом дракона в условиях китайского влияния [Баргуты 2021: 146].

С. Б. Миягашева отмечает, что баргуты заимствовали культ дракона у китайцев. Согласно представлениям баргутов, «дракон производит грозу и молнию, и, чтобы гром не разразился над их жилищем и стадами, старые баргуты стремились проливать на землю молоко, кумыс или вино» [Миягашева 2012: 117]. Известно, что образ и культ дракона чрезвычайно популярен в китайской мифологии, и, несмотря на то, что утверждение о генезисе образа дракона у баргутов, восходящем к китайской культуре и мифологии, должно быть безоговорочным, все же следует заметить, что не исключена возможность его рассмотрения как достаточно маньчжуризированного китайского божества, связанного с почитанием гор. Так, в тунгусо-маньчжурском шаманизме довольно часто встречаются следующие небесные божества, созвучные имени старобаргутского божества Самса/Санса: Санси как бог Солнца, Саньси как дух гор, Санса как хозяйка гор, Санса Эндური как хозяин гор [Сем 2015: 274–275].

По мнению А. В. Смоляк, божество Саньси появилось у нанайцев и ульчей в результате общения с маньчжурами [Смоляк 1991: 16]. Подобное является вполне закономерным процессом, ибо процесс замещения определенных божеств «пришлыми», либо смешение с существовавшими до них, перенятие некоторых их функций, атрибутов и прочих элементов встречается во многих

религиях. Включение в свой пантеон наиболее значимых и востребованных божеств может говорить об адаптивных религиозных и культурных процессах, которые, очевидно, происходили и в старобаргутском пантеоне.

Говоря о связях маньчжуров и баргутов, следует отметить, что во времена функционирования восьмизнаменной системы существовали определенные правила, регламентировавшие религиозную сторону их жизни. Об этом говорит и «Утвержденный высочайшим указом Устав шаманской службы маньчжуров», составленный в 1747 г., о котором мы упоминали ранее. В «Уставе» представлены правила и описание шаманских ритуалов маньчжуров. Перевод текста с маньчжурского на русский язык был осуществлен А. В. Гребенщиковым, который называл этот текст образцом маньчжурской литературы и отмечал значительное влияние китайской культуры на ритуал описываемых церемоний [Гребенщиков 2011: 121]. Т. А. Пан говорит о том, что главное значение текста заключалось в проявлении уважения и дани народной традиции маньчжуров [Пан 2000: 105].

Вероятно, находившиеся под маньчжурской властью, в том числе и баргуты, независимо от их желания, должны были участвовать в этих ритуалах. Об этом могут свидетельствовать строки из «Устава»: «... по весне и осени, в оба эти периода года ... после принесения жертвы с поднятием жертвенной вехи от дворца богдохана циньваны и ниже их гуны, «вошедшие в восемь долей», и ниже их церемониально, по чинам, распределяясь в ряды, шеренги, утром и вечером, благоговейно совершив призывание ... совершают ... большое жертвоприношение» [Гребенщиков 2011: 124]. Строки, в которых говорится о «вошедших в восемь долей», упоминаются неоднократно, и очевидно, что под ними подразумеваются восемь знамен.

Интерес представляет божество *Писон Сагаан тэнгэри*, которое упоминается Б. Д. Базаровым как покровитель племени баргутов и имеет синоним *Бисалгаан Сагаан тэнгэри-Бажир тэнгэри-Буудал* [Базаров 2000: 115]. Между тем столь важное, казалось бы, божество, идентифицируемое как покровитель баргутов, не обнаруживается в современном старобаргутском пантеоне.

Т. М. Михайлов полагает, что божество Писон Сагаан тэнгэри было воспринято бурятами от тюрков, точнее — от уйгуров, в языке которых есть числительное «писон», равное пятидесяти, и у которых оно означало «50 светлых небожителей». Автор отмечает, что какие-то группы уйгуров после падения их могущества бежали в Прибайкалье, а со временем, возможно, слились с местными обитателями, сохранив в числе других культ Писон-тэнгэри. Постепенно тюркское (уйгурское) значение названия культа утратилось, и оно стало собственным именем тэнгэри в шаманистском пантеоне бурят [Михайлов 1980: 147].

Возможно, есть некоторая связь Писон Сагаан тэнгэри с хозяином горы и долины Челсаны с духом-божеством Бугата Буурал нойоном, в тексте призывания которого говорится о том, что он является сыном Бажир тэнгэри, имеющим баргутские корни [Базаров 2000: 160–161].

Как мы отметили выше, Бажир тэнгэри и Писон тэнгэри синонимичны. Поэтому можно предположить, что ранее это место также являлось баргутским культовым местом, изначальное имя хозяина которого было забыто или заменено на более близкое к бурят-монгольскому произношению.

Некоторые из современных религиозных обычаев баргутов связаны с их родиной Баргуджин-токумом, на сегодняшний день определяющей их как Баргузинская долина в Бурятии. По этому поводу Б. Ц. Гомбоев пишет: «... особая важность Баргузинской долины как исторической прародины баргутов подтверждается активным посещением ее сакральных объектов (Бархан-уула и Гульмакта) представителями разных групп этого этноса не только из России, но также из Китая и Монголии» [Гомбоев 2020: 97]. О том, что баргутские культовые места сохранились в Баргузинской долине, писал и Т. М. Михайлов. К их числу он относил и небольшой по размерам скальный останец Буха-шулуун [Михайлов 1980: 228].

Б. Р. Зориктуев отмечает, что в ходе полевых исследований удалось выяснить, что «старые баргуты хоть и смутно, но все же помнят свою бывшую родину, которая находилась на восточной стороне Байкала и называлась Баргуджин-Токумом...» [Зориктуев 2016а: 15]. Он также приводит тексты шаманских призываний, в которых неоднократно упоминаются Баргузин и Байкал как мать и отец соответственно. Кроме того, у старых баргутов сохранились воспоминания об острове Ольхон, о горе Бархан. У баргутов также существовал обычай ставить конские седла передней стороной на северо-запад по направлению к Байкалу в знак памятования о своей прародине [Зориктуев 2016а: 15]. Прошло уже много столетий с того времени, как баргуты покинули свою родину, которую сами они склонны определять не столь масштабно, а в рамках лишь Баргузинской долины, что следует из современных религиозных обычаев на сакральных местах их предков.

Выводы

На сегодняшний день шаманизм старых баргутов представляет собой сложную систему религиозных воззрений, в которой отсутствует инвариантность пантеона, что в какой-то степени говорит о ее незавершенности и продолжающемся развитии, либо о деструктивных процессах в системе традиционных религиозных представлений. Можно также предположить, что шаманизм старых баргутов сохранился именно благодаря благосклонности в определенный период, более того — приверженности маньчжуров к шаманской традиции. В то же время показательно и то, что именно при одобрительной политике маньчжурского правительства активное распространение получает и буддизм. Близость старобаргутского шаманизма с бурятским еще раз подтверждает тесные связи, вероятно, и бывшее единство двух этносов. Возможно, исследование старобаргутского шаманизма, в наиболее архаичном его состоянии, прояснило бы особенности формирования и иные процессы в бурятском шаманизме. В целом же можно гипотезировать о тэнгрианской основе религиозных воззрений старых баргутов, связанных с разными этапами их пребывания как в составе, так и на территориях тюркского господства. Затем религиозные воззрения старых баргутов продолжили свое развитие в рамках процессов и влияния уже тюрко-монгольского мира и обрели черты, присущие шаманизму с его культами и обрядами, адресованными тэнгриам, но уже при посредничестве шамана. На современном этапе религиозные воззрения старых баргутов также не выходят из контекста общемонгольского мира, а бытование у них шаманских традиций говорит о достаточной стойкости и жизнеспособности традиционных шаманских

верований в условиях соседства с разными этническими группами и контакта с разнообразнейшими культурными и религиозными традициями.

Литература

- Базаров 2000 — *Базаров Б. Д.* Таинства и практика шаманизма. Книга в 2-х частях. Кн. 2. Улан-Удэ: Буряад Унэн, 2000. 275 с.
- Баргуты 2021 — Баргуты Китая: монография / Б. Р. Зориктуев, Е. В. Сундуева, Д. М. Маншеев, С. Б. Болхосоев, Н. Н. Николаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2021. 280 с.
- Бичурин 1950 — *Бичурин Н. Я. (Иакинф)*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1950. 382 с.
- Буяндэлгэр 2006 — *Буяндэлгэр Х.* Шаманизм у старых баргутов // Актуальные проблемы монголоведения. Санжеевские чтения – 6. Ч. II. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. С. 14–21.
- Ванчикова, Миягашева 2017 — *Ванчикова Ц. П., Миягашева С. Б.* Летопись О. Амаржаргала «О происхождении и историческом развитии барга-бурят» как источник интерпретации этнической истории традиционной культуры барга-бурятской общности // Гуманитарный вектор. 2017. № 4. С. 179–189. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-179-189
- Галданова 1995 — *Галданова Г. Р.* Эволюция представлений о тэнгри (по текстам монголоязычных обрядников) // Средневековая культура Центральной Азии: письменные источники: сб. ст. / отв. ред. К. М. Герасимова. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. С. 94–107.
- Гомбоев 2020 — *Гомбоев Б. Ц.* Баргутские обоо в Восточной Монголии // Этнографическое обозрение. 2020. № 5. С. 95–109. DOI: 10.31857/S086954150012352-7
- Гребенщиков 2011 — *Гребенщиков А. В.* Устав шаманской службы маньчжуров / предисл. и публикация Т. А. Пан // Труды востоковедов в годы блокады Ленинграда (1941–1944). М.: Вост. лит., 2011. С. 117–133.
- Дробышев 2012 — *Дробышев Ю. И.* Тэнгрианство и буддизм в средневековой Монголии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сб. ст. / под ред. П. К. Дашковского. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. № 5. С. 71–90.
- Зориктуев 2016а — *Зориктуев Б. Р.* О времени и путях прибытия двух баргутских групп Баргуджин-Токума в Северо-Восточный Китай // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. № 1(14). С. 14–21.
- Зориктуев 2016б — *Зориктуев Б. Р.* К вопросу об этнической принадлежности общности *байырку* // Oriental Studies. 2016. Т. 9. № 3. С. 55–62. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-25-3-55-62
- Зориктуев 2019 — *Зориктуев Б. Р.* Названия *старые баргуты* и *новые баргуты* как отражение перипетий истории двух байкальских этносов // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 58. С. 21–31. DOI: 10.17223/19988613/58/3
- Коновалов, Миягашева 2012 — *Коновалов П. Б., Миягашева С. Б.* К проблеме этногенеза баргутов // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 8. С. 174–181.
- Кюнер 1961 — *Кюнер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 292 с.
- Малявкин 1989 — *Малявкин А. Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования / отв. ред. Ю. М. Бутин. Новосибирск: Наука, 1989. 431 с.
- Михайлов 1980 — *Михайлов Т. М.* Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.) / отв. ред. П. Б. Коновалов. Новосибирск: Наука, 1980. 320 с.
- Миягашева 2012 — *Миягашева С. Б.* Старые баргуты Китая (этническая история и традиционная культура): дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2012. 186 с.

- Нанзатов, Тишин 2020 — *Нанзатов Б. З., Тишин В. В.* Байырку и баргу: конец одного мифа // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 1. С. 168–189. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.009
- Нанзатов 2016 — *Нанзатов Б. З.* Баргуты, буряты, тунгусы и Баргузин / Баргуджин // Баргуты: история и современность: сб. науч. ст. / отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2016. С. 71–87.
- Нимаев 1993 — *Нимаев Д. Д.* О средневековых хори и баргутах // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии: сб. ст. / отв. ред. Б. Р. Зориктуев. Новосибирск: Наука, Сиб. изд. фирма, 1993. С. 144–166.
- Нимаев 2000 — *Нимаев Д. Д.* Буряты: этногенез и этническая история. Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2000. 190 с.
- Окладников 1976 — *Окладников А. П.* История и культура Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 458 с.
- Очир, Гэрэлбадрах 2003 — *Очир А., Гэрэлбадрах Ж.* Халхын засагт хан аймгийн түүх (= История халхаского засагту-хан аймака). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг ХХК, 2003. 462 х.
- Олзий 1999 — *Олзий Х. Ж.* Барга монголын түүх (= История барга монголов) / ред. Л. Оюунцэцэг. Улаанбаатар: «Содпресс» хэвлэлийн газар, 1999. 313 х.
- Пан 2000 — *Пан Т. А.* «Устав шаманской службы маньчжур» в переводе А. В. Гребенщикова из Архива востоковедов // Архивные материалы о монгольских и тюркских народах в академических собраниях России. Докл. науч. конф. / сост. И. В. Кульганек, отв. ред. С. Г. Кляшторный. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. С. 102–109.
- Потапов 1991 — *Потапов Л. П.* Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 319 с.
- Рашид-ад-Дин 1952 — *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.; Л. Изд-во АН СССР, 1952. 315 с.
- Румянцев 1962 — *Румянцев Г. Н.* Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 265 с.
- Сем 2015 — *Сем Т. Ю.* Картина мира тунгусов: пантеон (семантика образов и этнокультурные связи): историко-этнографические очерки. СПб.: Изд-во филолог. фак-та СПбГУ, 2015. 638 с.
- Смоляк 1991 — *Смоляк А. В.* Шаман: личность, функции, мировоззрение (Народы Нижнего Амура) / отв. ред. Ю. Б. Симченко, З. П. Соколова. М.: Наука, 1991. 276 с.
- Тубшиннима 2008 — *Тубшиннима Г.* История происхождения баргутов (транслитерация, перевод, примечания) / вводн. ст. и прим. Д. Д. Нимаева, Л. Б. Бадмаевой; транслит., пер. со старомонг. Л. Б. Бадмаевой, Ю. Д. Бадмаевой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 184 с.
- Худяков 1989 — *Худяков Ю. С.* Об этнической интерпретации средневековых памятников Юго-Западного Забайкалья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск: Наука, 1989. С. 27–34.
- Цыбенков 2011 — *Цыбенков Б. Д.* Из истории буддизма хори-бурят (XVIII – нач. XX в.): уч. пособ. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2011. 135 с.
- Цыденов 2011 — *Цыденов Э. М.* Культ тринадцати северных нойонов в бурятском шаманизме // Новый исторический вестник. 2011. № 3 (29). С. 25–32.
- Tubšinnima 1985 — *Tubšinnima G.* Barγuᠰud-un teüken irelte (= История происхождения баргутов). Köke qota: Öbür Mongγul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a, 1985. 152 х.

References

- Bazarov B. D. Sacraments and Practices of Shamanism. In 2 vols. Vol. 2. Ulan-Ude: Buryaad Unen, 2000. 275 p. (In Russ.)
- Bichurin N. Ya. (Hyacinth) Collected Notes on Peoples to Have Inhabited Central Asia in Ancient Times. Vol. I. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1950. 382 p. (In Russ.)

- Buyandelger Kh. Shamanism among the Old Barga. In: Topical Issues of Mongolian Studies. Sanzheev Readings – 6. Part II. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2006. Pp. 14–21. (In Russ.)
- Drobyshev Yu. I. Tengrism and Buddhism in medieval Mongolia. In: Dashkovsky P. K. (ed.) Worldviews of South Siberian and Central Asian Peoples in a Historical Perspective. Barnaul: Altai State University, 2012. Vol. 5. Pp. 71–90. (In Russ.)
- Galdanova G. R. The evolution of ideas about Tengri: Mongolic-language ritual books analyzed. In: Gerasimova K. M. (ed.) Medieval Culture of Central Asia: Written Sources. Collected papers. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1995. Pp. 94–107. (In Russ.)
- Gomboev B. Ts. Bargut *oboo* in Eastern Mongolia. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2020. No. 5. Pp. 95–109. (In Russ.) DOI: 10.31857/S086954150012352-7
- Grebenshchikov A. V. Regulations for Manchu Shamanic Services. T. Pan (foreword, ed.). In: Works of [Soviet] Orientalists Created in Sieged Leningrad, 1941–1944. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2011. Pp. 117–133. (In Russ.)
- Khudyakov Yu. S. Medieval monuments of Southwestern Transbaikalia: Ethnic interpretations revisited. In: Ethnocultural Processes in Medieval Southeastern Siberia. Novosibirsk: Nauka, 1989. Pp. 27–34. (In Russ.)
- Konovalov P. B., Miyagasheva S. B. To the problem of the Bargut's ethnogenesis. *Buryat State University Bulletin*. 2012. No. 8. Pp. 174–181. (In Russ.)
- Kyuner N. V. Chinese Sources on Peoples of Southern Siberia, Central Asia, and the Far East. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1961. 292 p. (In Russ.)
- Malyavkin A. G. Tang Chronicles of Central Asian States: Texts and Studies. Yu. Butin (ed.). Novosibirsk: Nauka, 1989. 431 p. (In Russ.)
- Mikhaylov T. M. A History of Buryat Shamanism: From Earliest Times to the 18th Century. P. Konovalov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 1980. 320 p. (In Russ.)
- Miyagasheva S. B. The Old Barga of China: Ethnic History and Traditional Culture. Cand. Sc. (history) thesis. Ulan-Ude, 2012. 186 p. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z. Barghuts, Buryats, Tungusians, and Barguzin/Bargujin. In: Bazarov B. V. (ed.) The Barga: Past and Present. Collected scholarly papers. Irkutsk: Ottisk, 2016. Pp. 71–87. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z., Tishin V. V. *Bayirqu* and *Baryu*: Deconstructing one myth. *Problems of Onomastics*. 2020. Vol. 17. No. 1. pp. 168–189. (In Russ.) DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.009
- Nimaev D. D. The Buryats: Ethnogenesis and Ethnic History. Ulan-Ude: East Siberian State Academy of Culture, 2000. 190 p. (In Russ.)
- Nimaev D. D. The medieval Khorī and Barga revisited. In: Zoriktuev B. R. (ed.) Peoples of Southern Siberia and Central Asia: Ethnic Histories. Collected articles. Novosibirsk: Nauka, 1993. Pp. 144–166. (In Russ.)
- Ochir A., Gerelbadrakh Zh. Zasagt Khans of the Khalkha and Their Aimag: A History. Ulaanbaatar: Soembo Printing, 2003. 462 p. (In Mong.)
- Okladnikov A. P. Buryatia: History and Culture. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1976. 458 p. (In Russ.)
- Olzii Kh. J. History of the Barga Mongols. L. Oyuuntsetseg (ed.). Ulaanbaatar: Sodpress, 1999. 313 p. (In Mong.)
- Pan T. A. Regulations for Manchu Shamanic Services: A. Grebenshchikov's translation revisited (Archive of Orientalists). In: Kulganek I. V. (comp.) Archival Materials on Mongolic and Turkic Peoples in Russia's Academic Depositories. Conference proceedings. S. Klyashtorny (ed.). St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2000. Pp. 102–109. (In Russ.)
- Potapov L. P. Shamanism of the Altai. Leningrad: Nauka, 1991. 319 p. (In Russ.)
- Rashid al-Din. Compendium of Chronicles. Vol. 1. Book 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1952. 315 p. (In Russ.)

- Rumyantsev G. N. Origins of Khori Buryats. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1962. 265 p. (In Russ.)
- Sem T. Yu. The Tungusic Worldview: Pantheon (Semantics of Images and Ethnocultural Ties). Essays in History and Ethnography. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2015. 638 p. (In Russ.)
- Smolyak A. V. The Shaman: Personality, Functions, Worldviews (Peoples of the Lower Amur). Yu. Simchenko, Z. P. Sokolova (eds.). Moscow: Nauka, 1991. 276 p. (In Russ.)
- Tsybenov B. D. Buddhism among the Khori Buryats, 18th to Early 20th Centuries: A History. Coursebook. Ulan-Ude: East Siberia State University of Technology and Management, 2011. 135 p. (In Russ.)
- Tsydenov E. M. The cult of Thirteen Northern Noyons in Buryat shamanism. *The New Historical Bulletin*. 2011. No. 3 (29). Pp. 25–32. (In Russ.)
- Tubshinnima G. Origins and History of the Barga [Mongols]: Transliteration, Translation, Comments. D. Nimaev, L. Badmaeva (foreword, comment.); L. Badmaeva, Yu. Badmaeva (transl.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2008. 184 p. (In Mong. and Russ.)
- Tubshinnima G. Origins and History of the Barga [Mongols]. Hohhot: Inner Mongolia Culture Press, 1985. 152 p. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P., Miyagasheva S. B. Chronicle by O. Amarjargal ‘On the Origin and Historical Development of the Barga-Buryats’ as a source of interpretation of ethnic history and traditional culture of the Barga-Buryats. *Humanitarian Vector*. 2017. No. 4. Pp. 179–189. (In Russ.) DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-179-189
- Zoriktuev B. R. About the time and ways of the arrival of two groups of the Barguts Bargudzhin-Tokuma in the North-East of China. *North-Eastern Journal of the Humanities*. 2016. No. 1(14). Pp. 14–21. (In Russ.)
- Zoriktuev B. R. et al. Barghuts of China. Monograph. Ulan-Ude: Buryat State University, 2021. 280 p. (In Russ.)
- Zoriktuev B. R. The ethnicity of the Bayirqu population revisited. *Oriental Studies*. 2016. Vol. 9. No. 3. Pp. 55–62. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2016-25-3-55-62
- Zoriktuev B. R. The names old Barguts and new Barguts as reflections of events in the history of two Baikal area ethnicities in the 17th and the first third of the 18th century. *Tomsk State University Journal of History*. 2019. No. 58. Pp. 21–31. (In Russ.) DOI: 10.17223/19988613/58/3